

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Materials for the Biographies of Scientists and Engineers

ЖИЗНЬ И «ПСИХОЛОГИИ» ДОКТОРА ГЮСТАВА ЛЕБОНА НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕПЕТУХИН*

Статья посвящена анализу научной деятельности известного в XIX и XX вв. социального психолога и экспериментатора Гюстава Лебона (*Gustave Le Bon*) (1841–1931). В его творчестве любопытным образом переплелись медицинские, психологические и естественно-научные темы, что было весьма характерно для европейской науки того времени. Так что текстологический и сравнительный анализ трудов Лебона позволяет выделить сквозные и узловые научные и политические проблемы, интересовавшие ученых и их читателей около ста лет назад. Что касается самого Лебона, то он принадлежал к числу консервативно мыслящих ученых, которых настораживали демократические процессы, шедшие в странах Западной Европы в конце XIX – начале XX в. Его «интеллектуальный щит» против демократизации был выкован из «психологии толпы», расизма и элитизма и активно использовался как противниками демократизации, так и теми, кто манипулировал ею в своих интересах.

Ключевые слова: Г. Лебон, Европа конца XIX – начала XX в., социальная психология, демократизация, расизм, элитизм.

THE LIFE AND “PSYCHOLOGIES” OF DOCTOR GUSTAVE LE BON NIKOLAI VLADIMIROVICH LEPETUKHIN[□]

This paper analyzes the scientific work of Gustave Le Bon (1841–1931), a social psychologist and experimenter, well-known in the 19th and 20th century. The medical, psychological and natural-science themes were curiously intertwined in his works, which was quite typical for the European science of that time. Therefore textual and comparative analysis of Le Bon’s works enables to identify the cross-cutting and central scientific and political problems that interested both the scholars and their audiences about a hundred years ago. As for Le Bon himself, he ranked among the conservative scholars who were opposed to the democratic processes in Western European countries in the late 19th – early 20th century. His “intellectual shield” against democratization was forged from the crowd psychology, racism, and elitism, and was extensively used by both the adversaries of democratization and those who manipulated with it to pursue their own interests.

Keywords: G. Le Bon, 19th and 20th century Europe, social psychology, democratization, racism, elitism.

* Ивановский государственный политехнический университет. Россия, 153037, Иваново, ул. 8 Марта, д. 20. E-mail: lepetukhin5@mail.ru.

[□] Ivanovo State Polytechnic University. Ul. 8 Marta, 20, Ivanovo, 153037, Russia. E-mail: lepetukhin5@mail.ru.

Гюстав Лебон, 1888 г.

Гюстав Лебон (*Gustave Le Bon*) – пионер социальной психологии, врач, экспериментатор, популяризатор науки – был авторитетным ученым конца XIX – начала XX в. с мировым именем. В первую очередь он получил известность как автор одного из первых вариантов теории «массового общества», хотя привлекало его и множество других тем. Его творчество, однако, интересно не только собственно научным вкладом, но и тем, что является своего рода зеркалом, в котором яснее, чем в случае других исследователей, отразились сквозные и узловые научные и политические проблемы, интересовавшие ученых и их читателей около ста лет назад. В этом контексте и пойдет речь о жизни и творчестве Лебона в настоящей статье.

Лебон родился в городке Ножан-ле-Ротру (департамент Эр и Луар), что в 100 км к юго-западу от Парижа. Здесь Гюстав с братом Жоржем и родителями прожил всего восемь лет, но в го-

родке есть улица, названная в его честь. Отец семейства, Жан-Мари-Шарль Лебон, был чиновником, мать, Аннет-Жозефин, – домохозяйкой. Они принадлежали к среднему классу, имели бретонские и бургундские корни (их гербы датированы 1698 годом¹). О детстве Гюстава известно мало, за исключением того, что он окончил лицей в Турсе, куда был переведен отец, и во время учебы слыл средним учеником.

Семейное занятие на ниве провинциальной государственной службы продолжил Жорж, а Гюстав, едва закончив лицей, устремился в Париж. В 1860-е гг. этот город оставался центром культурной и научной жизни Европы и для амбициозной и тщеславной молодежи таил многие соблазны. Однако Гюстав стал там студентом медицинского колледжа. Через шесть лет учебы он получил медицинскую лицензию, но решил не ограничиваться лечением больных, а достигнуть академических высот и общественного признания. Отметим, что наука второй половины XIX в. представляла собой просторное поле со множеством «непаханых» участков, а медицинское образование было таким, что могло служить основой для изысканий в антропологии, психиатрии и других смежных дисциплинах.

Сциентизм, вера в непогрешимость научного метода, властвовал тогда над умами европейцев. Открытия в биологии и физике расширили горизон-

¹ Picard, E. Gustave Lebon et son oeuvre. Paris: Mercure de France, 1909. P. 9.

ты знаний о природных процессах и их составляющих. Интеллектуальная жизнь Франции оживилась и спустя сто лет после эпохи Просвещения – апогея союза науки и философии, – казалось, достигла нового взлета. Философия сближалась с наукой в надежде выработать точную методологию и лучше узнать об организации материального мира. Однако во Франции это объединение, по мнению исследователей, принесло скорее ущерб науке, похоронив ее «во мраке мельчайших деталей»². Такова была интеллектуальная атмосфера, в которой Лебону предстояло заниматься научной деятельностью.

Темой его первой публикации³ были болезни людей, живущих в болотистых местностях. Затем он написал несколько статей о лихорадке и асфиксии, а первая его большая книга «Очевидная смерть и преждевременные захоронения»⁴ показала медикам того времени более чем странной: ведь умерший есть умерший, каждый знал это, а тем более – врачи. А Лебон доказывал, что многие пациенты, считавшиеся умершими, фактически таковыми не были, и предлагал приемы сохранения и восстановления жизни. Отдельные из них стали рассматриваться медициной только с 70-х гг. XX в.⁵

В 1868 г. Лебон окончил книгу «Психология размножения человека и основы живых существ»⁶. Этот массивный том, посвященный наследственности и размножению животных, за четыре года был выпущен десять раз и получил большую известность⁷. Вероятно, в немалой степени это связано с тем, что работа содержала не только клинические записи и отчеты средневековых авторов о гениталиях очень больших размеров, но и провокационные анекдоты на эту тему. В «Психологии размножения ...», напечатанной в самом конце 1860-х гг. и в некоторых других работах на медицинскую тему Лебон совершенствует свой стиль и демонстрирует особый интерес к вопросам патологии и диагностики заболеваний. Надо отметить, что, невзирая на разнообразные интересы в различных областях знания, Лебон всегда рассматривал их с медицинской точки зрения, а в ранних работах она особенно доминировала. Позднее же он расширил границы индивидуальной патологии, включив туда социальные и политические «заболевания» и придумав для них социологическую терминологию, аналогичную медицинской. При этом уже в 1860-е гг. Лебон начал расширять поле своих диагнозов, включая в него определенные категории жизни французов, в частности, – растущие показатели потребления алкоголя и падения рождаемости. Для Лебона, как и для многих думающих французов, контраст при сравнении аналогичных показателей Франции и

² Nye, R. *The Origins of Crowd Psychology*. London: Sage, 1975. P. 8.

³ *Le Bon, G. La Brenne. Recherches sur la fièvre intermittente, le dessèchement et la mise en culture des terres marécageuses*. Paris: Bouchard-Huzard, 1862. Эта работа Лебона была отмечена призом Академии наук и словесности Тулузы в 1862 г. См.: <http://academie-sciences-lettres-toulouse.fr/melanges-classement-chronologique-1860-1862/>.

⁴ *Lebon, G. De la mort apparent et des inhumation prématurées*. Paris: Librairie d'Adrien Delahaye, 1866.

⁵ *Widener, A. R. Gustave Le Bon: Lebon: The Man and His Works*. Indianapolis: Liberty Press, 1979. P. 26.

⁶ *Le Bon, G. Psychologie de la génération de l'homme et des principaux êtres vivants*. Paris: Alfred Duquesne, 1870.

⁷ Nye. *The Origins of Crowd Psychology...* P. 14.

Германии свидетельствовал об экономическом и демографическом отставании республики. В этой связи одной из главных задач для Лебона, безусловно, стал поиск лекарства от этой французской болезни.

Отставание Франции от Германии явно проявилось во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Лебон, живший тогда в Париже, добровольно поступил на медицинскую службу и организовал военное отделение карет скорой помощи. В качестве главного врача он наблюдал за поведением военных в трудных условиях. Вооружившись же практическими знаниями о ведении войны, военной дисциплине и изучив поведение человека в состоянии сильного стресса, он написал трактаты о руководстве военными действиями⁸, которые, будучи одобрены генералами, изучались в военных академиях. В конце войны Лебон получил звание кавалера Почетного легиона.

Лебон был свидетелем не только Франко-прусской войны, но и Парижской коммуны (18 марта – 28 мая 1871 г.). Он видел, как революционные парижане жгли дворец Тюильри, библиотеку Лувра, городской зал и театр Ренессанса, часть Дворца правосудия и другие уникальные произведения архитектуры. Эти события и в большей мере психологический шок от первых тяжелых лет жизни в столице (недоброжелательного отношения к нему академической среды, по-разному складывавшихся отношений с парижанками и др.) стимулировали его личный пессимизм и усилили уверенность в разложении французской нации. Но Лебон не ослаблял своей деятельности. Умелая популяризация науки и внимание к процессам, протекающим в обществе, были его сильной стороной. Вскоре к Лебону пришел и коммерческий успех. Уже к 1875 г. он был одним из немногих ученых, которые могли жить публикациями своих работ. К тому же его доход пополнялся за счет изобретения и производства научно-технического оборудования, необходимого для экспериментаторов и учащихся. Это были, в частности, «карманный цефалометр» для антропологов, показанный Лебоном на выставке в Париже (1878), комплект фотооборудования в помощь археологам.

Опираясь на свои измерительные приборы и их данные, Лебон разработал модель черепных классификаций, которая позднее положила начало его многолетним размышлениям о расах, об анатомии и интеллектуальных способностях их представителей, в частности, – книге «Жизнь. Трактат о человеческой физиологии»⁹. В ней разрабатывались вопросы, поднятые основателем френологии Ф. Й. Галлеем (1758–1828). Согласно его теории, отдельные психические способности человека локализуются в определенных участках мозга, а их состояние можно оценить, исследуя внешний рельеф черепа¹⁰. Френологические теории в дальнейшем приобрели в основном дурную научную славу, однако в 1870-х гг. они имели широкое распространение. Так, антропологи (в их числе и Лебон) ухватились за параметры черепа как показатели интеллектуальных способностей человека, физиономисты утверждали, что

⁸ См. например: *Le Bon, G. Hygiène du soldat et de blessés*. Paris, 1870.

⁹ *Lebon, G. La vie physiologie humaine appliqué à l'hygiène et à la médecine*. Paris: J. Rothschild, 1874.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 28. С. 89.

способны распознавать человеческий характер по лицевым конфигурациям, а антрополог Поль Брока (1824–1880) открыл «речевой центр»¹¹.

В трактате «Жизнь...» Лебон, осмысливая современную историю Франции, искал механизмы, управляющие коллективным поведением. Но он начал этот поиск с некоего индивидуального процесса – «имитации», или «подражания», который объяснялся в книге как биологическое действие, через которое человек овладевает языком. Этот процесс в совокупности с описанием патологических галлюцинаций раскрыл Лебону механизм для первого в истории объяснения феномена толпы¹². События 1870–1871 гг. во Франции он трактовал как коллективные галлюцинации или психическую эпидемию, которые очень часты в истории. А способствуют им, по мнению Лебона, алкоголизм, наследственная дегенерация и французское образование (последнему он позже посвятит специальное исследование). С целью идти в ногу с научным прогрессом и в связи с обострившимся желанием добиться академического признания Лебон основал химическую лабораторию, где проводил опыты. Вскоре он переселился в престижный район Парижа, на улицу Вивьен, в просторные апартаменты, где было достаточно места и для физической лаборатории, и для большой столовой в экстравагантном стиле, где проходили званые завтраки. И лишь короткая пешая прогулка отделяла его новую квартиру от лектория, в котором любопытные жители квартала могли слушать лекции молодого доктора на интересные научные темы.

В это время Лебон особенно увлеченно углубляется в проблемы психологии. Он убеждается, что позитивные результаты в этой области могут быть достигнуты, если изучающие мозг порвут с теоретическими выкладками и обратятся к наблюдениям, к практическим знаниям. Регулярно посещал Лебон и публичные лекции – психологические демонстрации – Ж.-М. Шарко (1825–1893), учителя З. Фрейда, иллюстрировавшего на пациентах превосходство разума (гипноза) над телом. На этих собраниях Лебон приобрел новые знакомства и, вероятно, там же сблизился с Т. Рибо (1839–1916). Рибо надеялся основать психологию на строго научно-позитивистской базе, исключив из нее личные воззрения исследователя. С этой целью в 1876 г. он учредил журнал «Ревю философик» (*Revue philosophique*), а Лебон был среди его сотрудников и находился в постоянном контакте с журналом до 1902 г., когда личные разногласия привели его к частичному разрыву с редактором.

В 1879 г. Академия наук и Парижское антропологическое общество рассмотрели лебоновскую работу «Анатомические и математические исследования законов изменения объемов черепа»¹³. Изучив черепные параметры различных человеческих рас, Лебон пришел к выводу, что люди высшей расы обладают очень развитым черепом, т. е. черепом большого объема, в то время как представители низшей расы носят на своих плечах очень маленький

¹¹ *Blanckaert, C.* De la race à l'évolution. Paul Broca et l'anthropologie française (1850–1900). Paris: L'Harmattan, 2009.

¹² *Nye.* The Origins of Crowd Psychology... P. 28.

¹³ *Le Bon, G.* Recherches anatomiques et mathématiques sur les lois des variations du volume du cerveau et sur leurs relations avec l'intelligence // *Revue d'anthropologie*. 8 année. 2 série. 1879. T. 2. P. 27–104.

череп. К тому же анатомическое и психологическое равенство автор работы наблюдал только у индивидов низших рас. В цивилизованных расах черепа высокоинтеллектуальных людей существенно разнятся с черепами людей из низших слоев тех же рас. Выделил Лебон и разницу в черепах у двух полов, причем у низших народов или в низших слоях высших народов мужчина и женщина интеллектуально близки друг к другу, так как черепа у них приблизительно одинакового объема. По мере того как народы цивилизуются, мужские черепа увеличиваются, а женские – нет¹⁴. Вывел Лебон и прямую пропорциональность между размером черепа и интеллектуальными способностями человека. В «Анатомических и математических исследованиях...» вызревают и основания лебоновской расовой системы. Так, он уже использует там понятия «высшая» и «низшая» расы, «высшие» и «низшие» народы, но еще не вкладывает в них конкретного содержания. Иными словами, хотя и понятно, какую расу и какие народы подразумевает Лебон под высшими, он еще не определился до конца. Не определился, видимо, потому, что это его еще не слишком занимало. На первых порах ему было важно и вполне достаточно говорить лишь о больших головах, об одаренных гениальными людьми расах, о слаборазвитости в интеллектуальном плане женщин. Тем более что для него это были не просто гипотезы, а теории, проверенные и подтвержденные собственными изысканиями, приборами, расчетами с многочисленными математическими кривыми. Эти данные Лебон использует и в своих последующих работах. Так что «Жизнь...» и «Анатомические и математические исследования...» – это отправные точки в развитии Лебоном антидемократической темы толпы и расистской темы: первая из них разовьется в научную теорию, вторая – паразитически прикрепится ко всем социальным теориям Лебона, превращая их в менее научные и более демагогические.

В 1880 г. Лебон занялся изучением табака и его дыма. «Табачный дым»¹⁵ – работа на стыке медицины и химии, что характерно для Лебона. Исследовав табачный дым и его составляющие, он открыл вещества более токсичные, чем никотин. Эти результаты были подтверждены и дополнены Лебоном позже в его совместной работе с А. Готье – профессором химии медицинского факультета Парижского университета¹⁶.

На начало 1880-х гг. приходится и публикация Лебоном тысячестраничного отчета о культурной и физической эволюции человечества начиная с его животного состояния. Работа «Человек и общество» (1881)¹⁷ положила начало двум самым влиятельным концепциям зрелого Лебона: психологии расы и разума толпы. Надо сказать, что эта книга Лебона – очередная попытка европейского мыслителя реконструировать происхождение и развитие человека на протяжении всей его истории. При этом, как и другие синтетические системы второй половины XIX в., концепция Лебона испытала на себе

¹⁴ Picard. Gustave Lebon et son oeuvre... P. 22–23; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С. 43; Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. С. 47–48.

¹⁵ Le Bon, G. La fumée du tabac; recherches chimiques et physiologiques. Paris: Asselin, 1880.

¹⁶ Picard. Gustave Lebon et son oeuvre... P. 40.

¹⁷ Lebon, G. L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire. T. 1–2. Paris: J. Rothschild, 1881.

влияние эволюционной теории Ч. Дарвина, понятой чисто формально. Теория эволюции была для Лебона, по мнению Р. Ная, «самой лучшей заменой религии, надежным, консервативным, практичным, совершенно неписанным божеством»¹⁸. Хорошим подспорьем труду Лебона стала и «позитивная» наука, особенно изложенная в работах О. Конта («Курс позитивной философии» (1830–1842) и «Система позитивной политики, или трактат по социологии, устанавливающий религию человечества» (1851–1854)¹⁹ и Г. Спенсера («Основные начала» (1862), «Принципы психологии» (1855), «Принципы социологии» (1876–1896)²⁰. Как известно, Конт развивал социологический метод, в основе которого было утверждение, что социальные явления – это чувства и действия людей, а их законы – это законы человеческой природы. Для понимания человеческих чувств и действий и выведения из них законов общественного развития и необходима биология или, точнее, психология. При этом психология трактуется Контом не как наука о психических свойствах личности, а как коллективная психология, т. е. психология народа, массы, а исторический процесс – как прогрессивное, но прямолинейное движение, как мирная эволюция, подчиняющаяся неизменным законам, которые аналогичны законам физики. Таким образом, система Конта переносит акцент с индивидуальной психологии на коллективную. Иными словами, Конт призывал к реформе истории, к превращению ее в социологию. В 1852 г., за семь лет до публикации дарвиновского «Происхождения видов», Спенсер написал статью «Гипотеза развития»²¹, в которой излагалась идея биологической эволюции. Впоследствии Спенсер признал естественный отбор в качестве одного из факторов эволюции и ввел в науку термин «выживание наиболее приспособленных».

Другим источником вдохновения для историков и мыслителей, занимавшихся вопросами рас, был «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855) Ж.-А. Гобино²², чье романтическое мышление и попытка установить связь античной литературы и мифологических источников со структурами расы и общества повлияли и на Лебона.

При разработке теоретической базы для своей концепции в «Человеке и обществе» Лебон опирался и на современные ему учения о первобытных обществах Э. Б. Тайлора («Первобытная культура»²³), Д. Либбока («Доисто-

¹⁸ Nye. *The Origins of Crowd Psychology...* P. 40.

¹⁹ Comte, A. *Cours de philosophie positive*. T. 1–6. Paris: Bachelier, 1830–1842; *Comte, A. Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité*, édition en quatre tomes. Paris: Carilian – Gœury et V. Dalmont, 1851–1855.

²⁰ Spencer, H. *The Principles of Psychology*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855; *Spencer, H. Principes de sociologie*. 5 vols. / M. E. Cazelles (trad.). Paris: Baillière, 1878–1898; *Spencer, H. Principes de psychologie*, 2 vols. / Th. Ribot, A. Espinas (trad.). Paris: Lagrange, 1874–1875.

²¹ Впервые Г. Спенсер опубликовал эту статью анонимно в газете «Лидер» (*The Leader*) 20 марта 1852 г., а затем в: *Spencer, H. Essays Scientific, Political & Speculative*. In 3 vols. London: Williams and Norgat, 1891. Vol. 1. P. 1–7.

²² Gobineau, J.-A. *Essai sur l'inégalité des races humaines*, t. 1–4. Paris: Didot, 1853–1855.

²³ Tylor, E. B. *Primitive Culture*. In 2 vols.. London: John Murray, 1871.

рические времена», «Начало цивилизации»²⁴) и др. Однако, пойдя за этими теориями, Лебон стал жертвой двух основных заблуждений культурной антропологии XIX в. Тогда существовало мнение, что современные «дикие» общества – точная копия обществ «каменных» времен, а первобытные институты могут быть логически выведены из теории об их «существовании» в современных социальных формах²⁵. Именно исходя из этих посылок, Лебон настойчиво стремился подтвердить некоторые свои «социальные законы»: частная собственность возникла из примитивной самозащиты, а человеческая потребность верить в «иллюзии» произошла из древнего фетишизма.

Пытаясь совместить некоторые культурные явления и социальные институты с биологической природой человека, Лебон воспользовался теорией рефлексов. Рефлекс у него – это реакция любого объекта на внешнее окружение: камень расширяется или сжимается со сменой температуры, растения реагируют на изменения света. И в человеческой психологии, доказывал он, внешние раздражители обеспечивают возбуждение, которое вызывает соответствующую пропорциональную реакцию организма²⁶. В случае частого повтора подобный процесс достигает свойства настоящего рефлекса. Таким образом, для автора «Человека и общества» высокоорганизованные мозговые функции – это просто более сложные эволюционные шаги автоматических действий спинного мозга. Более того, Лебон полагал, что если какой-либо рефлекс оказывается достаточно полезным организму, то он сохраняется в форме унаследованной адаптации и переходит к потомкам. Та же самая наследственность применялась им в равной мере и к комплексу эмоциональных рефлексов. Их Лебон называл «чувствами». Чувства, по его мнению, охватывали все «разнообразные состояния, называемые аффектами, страстями, эмоциями и т. д.»²⁷. Лебон наделял их полной властью над сознательной волей личности в тех обстоятельствах, когда внешняя среда оказывала сильное воздействие на организм.

Сумму рефлексов и чувств отдельной личности или группы людей Лебон назвал «характером» и определил его как бессознательную, недобровольную характеристику²⁸. Эта схема позволила Лебону решить центральную задачу своего исследования: изобразить человека, одного или в группах, разорванным между чувством и разумом. Причем разум, по Лебону, появившись в ходе человеческой эволюции лишь недавно, редко реально воздействовал на человеческие дела. К тому же роль разума ограничена до определения и объяснения сознанием причин действия после завершения действия. Согласно Лебону, все эмоции – страх, ненависть, сексуальные страсти – особенно доминировали у тех, кому не доставало разума, а следовательно, их нужно считать пережитками дикости. Так что применительно к современной цивилизации

²⁴ *Lubbock, J.* Pre-Historic Times. London: Williams & Norgat, 1865; *Lubbock, J.* The Origin of Civilization and the Primitive Condition of Man. London: Longman, Green & Co, 1870.

²⁵ *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978; *Першиц А. И.* Предисловие // *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 7.

²⁶ *Lebon.* L'homme et les sociétés... Т. 1. P. 398–406.

²⁷ *Ibid.* P. 407–409.

²⁸ *Ibid.* P. 441.

Лебон описал чувства как наследственно обусловленный атавизм. В этой своей модели он находил постоянный источник образов. Она же была и главным аргументом Лебона в той антидемократической полемике, которую он вел.

Эволюционная точка зрения на расы предоставила Лебону и другим теоретикам расизма конца XIX в. значительное преимущество. Свою теорию эволюции рас он смог представить, обратившись к естественному отбору и адаптации (приспособлению видов к условиям окружающей среды). По мнению Лебона, эволюцией были сформированы основные человеческие и исторические расы, каждая – по собственной адаптационной модели, сформированы в то, что постепенно стало настоящими биологическими видами, т. е. он, по сути, считал расы отдельными биологическими видами²⁹. Для Лебона ключевой причиной упадка цивилизаций явилось смешение «высших» и «низших» рас. К осуждению смешения благородной элиты с эгалитаристским стадом Лебона привела враждебность к тому, что он понимал под демократией. В частности, он предупреждает, что судьба расово-смешанного населения Южной Америки зависит теперь от внешнеполитического хаоса и социальной анархии, что является важным уроком для старых правящих классов Западной Европы.

При помощи зарождающейся теории массового общества Лебон смог проще обосновать постоянную угрозу повторения Парижской коммуны как апофеоза современного развития города. Он разъяснял, что условия индустриальной жизни стирают поведенческие признаки, которые развивались на протяжении цивилизованных времен, чтобы раскрыть «дикие» и «первобытные» качества. Среди них оказались «выжившая» необходимость религиозной веры и своего рода психическая имитация (бессознательное подражание эмоциям и поведению), обеспечившая распространение культуры и языка на заре истории³⁰. Подобным образом в явно «эмоциональном» и «бессознательном» поведении современной толпы и появились уродливые черты. Если в ранние годы они гарантировали выживание цивилизации, то теперь стали анахронизмами³¹.

Напоминая читателям о Парижской коммуне, Лебон критиковал «современных реформаторов», которые стремились руководить массами, взывая к их чувствам в «новой форме» религии – в виде «социалистической мечты». Эти мечты, по его мнению,

следует рассматривать в качестве бессознательного желания вернуться к тем временам, когда при более низком уровне эволюции интеллект и знания играли меньшую роль, и жизнь казалась проще³².

Даже при временном успехе ни одно из таких движений не могло удовлетворительно руководить собой, и результатом была бы анархия. В городских толпах, не имеющих корней, Лебон видит один из основных симптомов социального разложения Франции.

²⁹ Ibid. P. 202.

³⁰ Ibid. P. 332–334.

³¹ Ibid. P. 455; *Lebon. L'homme et les sociétés...* T. 2. P. 127.

³² *Lebon. L'homme et les sociétés...* T. 1. P. 19.

В исследовании «Человек и общество» он сделал важный шаг в развитии теории коллективной психологии, приложив к ней технику гипноза. А его знания в этой области были значительными по любым стандартам³³. Для Лебона характерно и то, что свои теоретические утверждения он подкрепляет актуальными и историческими примерами. Использование современного социального контекста было сильной стороной Лебона-публициста, но в глазах людей из академической среды, порицавшей подобные тенденции, оно выглядело его яркой слабостью. Поэтому, желая найти подтверждение своим гипотезам, высказанным в работе «Человек и общество», Лебон отправляется путешествовать. Так, по итогам первого этновояжа в Центральную Европу он написал «Путешествия в Татры»³⁴, а уже в 1882 г. обратился к правительству с целью получения денег для путешествия в Аравию, чтобы изучить расовые характеристики ее народов. В своем письме он подчеркнул пользу такой информации для правительства, если жители Аравии когда-либо попадут под французское колониальное владычество³⁵. Хотя просьба Лебона и была отклонена, он отправился в поездку за свой счет и опубликовал свои наблюдения в крупноформатном иллюстрированном издании «Арабская цивилизация»³⁶. Воодушевленный публичным успехом этой книги, Лебон снова обратился к министерству за поддержкой путешествия – на этот раз в Индию. В этом случае ему повезло, и он отправился в почти годовую этнографическую поездку по Индостану.

Когда исследователь Востока возвратился домой, то написал «Путешествие в Непал», «Цивилизации Индии», «Первые цивилизации Востока», «Памятники Индии» и выпустил два тома фотографий³⁷. Но ученое сообщество встретило эти труды без восторга и привычно отказалось принимать их как научные. Лебон же сделал из этого свои выводы: во-первых, без академического признания путь к успеху простирается через публичное одобрение; во-вторых, современная история – более надежный, чем история древности, источник материала для социально-психологических теорий. За 10 лет Лебон посетил Англию, Италию, Испанию, Польшу, Россию, Марокко, Египет, Палестину и Индию³⁸.

Большое количество материала по «истории рас», набранное за 15 лет (1880–1894), использовано Лебоном в работе «Психологические законы эволюции народов»³⁹. Ее популярность была огромна: 17 французских изданий и переводы на 16 иностранных языков⁴⁰. С этой книги Лебон стал придавать

³³ Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 45.

³⁴ Le Bon, G. De Moscou aux Monts Tatras. Paris: Ch. Delagrave, 1881.

³⁵ Letter from Lebon to the Minister of Public Instruction // Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 47.

³⁶ Le Bon, G. La civilisation des arabes. Paris: Firmin-Didot, 1884.

³⁷ Le Bon, G. Voyage au Népal. Paris: Hachette le tour du monde, 1886; Le Bon, G. Histoire de civilisations de l'Inde. Paris: Firmin-Didot, 1886; Le Bon, G. Les premières civilisations. Paris: E. Flammarion, 1889; Le Bon, G. Les monuments de l'Inde. Paris: Firmin-Didot, 1893.

³⁸ Picard. Gustave Lebon et son oeuvre... P. 11.

³⁹ Le Bon, G. Lois psychologiques de l'évolution des peuples. Paris: Félix Alcan, 1894.

⁴⁰ Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 52.

своим сочинениям краткость (около 30 тыс. слов, 177 страниц французского текста). Его стиль стал афористичным: он писал сжато, простым, но изящным языком, не характеризовал источники, не делал ссылок. При этом уверенный тон автора убеждал читателя в безусловной истинности написанного, чему помогало и то, что каждая страница завершалась предложениями, резюмирующими основную мысль. Все это способствовало увеличению продаж книг Лебона.

В «Психологических законах эволюции народов» было мало нового, но Лебон сжал определения, упростил аргументы и приспособил анализ под идею упадка, угрожающего латинским нациям. Психологической иерархии рас посвящена третья глава «Психологических законов...»⁴¹. Это едва ли не важнейшая глава, поскольку именно в ней автор обосновывает превосходство одной расы над другими. Лебон констатирует, что подобно морфологическим расовым классификациям, основывающимся на анатомических признаках, психологические расовые классификации опираются на небольшое число неизменных глубинных (основных) характеристик. Он говорит о психологических характеристиках, но в основе созданной им расовой модели лежит цивилизационный критерий, т. е. ступеньками в иерархии рас служат не психологические характеристики, а уровни развития цивилизаций. Лебон выделяет четыре группы рас: первобытные, низшие, средние и высшие. При этом существительное «раса» используется им во множественном числе (*les races*), по-видимому, обозначая группу народов, следовательно, правильнее читать: первобытные народы, низшие народы, средние народы и высшие народы. Первобытные народы, по мнению Лебона, не обнаруживают «никакого следа культуры»⁴². Они остановились в своем развитии на периоде, близком к состоянию «животности» (*l'animalité*). Этот уровень соответствует каменному веку. В нем сегодня находятся фиджийцы и австралийские аборигены. Над первобытными народами расположились народы низшие, «представленные, главным образом, неграми»⁴³. Они способны лишь к зачаткам цивилизации, к ее варварским формам.

К средним народам Лебон относит китайцев, японцев, монголов и «семитические народы». При их ранжировании он, видимо, использовал метод исключения: «...они создали высокие типы цивилизаций, которые смогли превзойти одни лишь европейцы»⁴⁴. Иными словами, азиатские народы «средние» потому, что они ниже европейских, но выше негров и первобытных народов. Перечисляя средние народы, Лебон упоминает и исчезнувших ассирийцев, т. е. имеет в виду ассирийскую цивилизацию (империю). Вследствие этого можно предположить, что, говоря о китайцах, японцах, монголах, он имеет в виду несуществующие цивилизации, пережившие свой расцвет.

Лебон сравнивает современную европейскую цивилизацию с цивилизациями прошлых веков. Однако это лишь доказывает произвольность и нена-

⁴¹ *Lebon. Lois psychologiques...* P. 24–33.

⁴² *Ibid.* P. 25.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 26.

учность его расовой иерархии. Он нарушает историзм и встает на позиции евроцентризма, когда говорит, например, что китайцы стоят ниже европейцев в психологическом (умственном) развитии, потому что 500 лет назад в Китае не было телефона и паровоза. Кроме того, расовая система Лебона, игнорирующая принцип сравнения явлений одного порядка, приобретает вид не психологической иерархии народов, как заявлял автор, а напоминает расово-цивилизационную лестницу, на вершине которой стоят индоевропейские народы. Только они, по Лебону, имели «способность к великим открытиям в искусствах, науках и индустрии»⁴⁵.

Об основном критерии, по которому можно определить «группы рас», Лебон говорит следующее:

Между четырьмя большими группами, которые мы только что обозначили, невозможно никакого смешения, умственная пропасть, разделяющая их, очевидна. Но если пожелаете подразделить эти группы, начнутся трудности. Англичане, испанцы, русские составляют высшие народы, однако вы хорошо знаете, что между ними существуют очень большие различия⁴⁶.

Полным набором умственных способностей, способностей разума к критическому мышлению, анализу, контролю над чувствами обладает, по Лебону, «высшее существо». Используя свое интеллектуальное превосходство, оно двигает прогресс цивилизации. Но мир заполняют, в противовес единичным «высшим существам», многочисленные «низшие существа». Причем Лебон видит их не только среди низших рас, но и в низших слоях европейских обществ: они «подобны первобытным людям»⁴⁷. Толпы «низших существ», по мнению Лебона, характеризуются минимальной долей внимания и рефлексии. Они заражены духом подражания⁴⁸, привычкой выводить общие суждения из частных случаев, плохой способностью к наблюдению, крайней подвижностью характера и большим легкомыслием. В общем – всем тем, чем характеризуются и коллективы людей, проанализированные Лебоном еще в «Человеке и обществе».

В «Психологических законах...» Лебон представил термин *l'âme* – «душа», или «разум», народа. Он применил его к общему комплексу чувств людей, составляющих расу или нацию. Душа каждой расы имеет много «возможностей» характера, большинство из которых находится в скрытом состоянии, но во время какого-либо кризиса новые «необходимости» вызывают «вибрацию» мозговых клеток, заставляя индивидов и даже целые нации сходить с ума или неожиданно менять черты устоявшейся личности.

Лебон верил, что в Европе единства расовой души достигли только британцы. Благодаря этому они и стали лидирующей европейской нацией. Романским же нациям, особенно французам, грозят упадок и социальное разложение, главные признаки которых – пацифистские настроения и упадок военной

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid. P. 27.

⁴⁸ См.: Тард Г. Законы подражания. СПб.: Ф. Павленков, 1892.

силы, видимость благополучия и увеличение личного эгоизма, постоянное вмешательство государства в частную жизнь и сильные соседние государства – были налицо.

Шокируя публику своими пессимистическими преувеличениями, Лебон, однако, оставлял ей надежду, что Франция преодолет судьбу, если воспользуется предлагаемыми им лекарствами: проведет обширную образовательную реформу и возродит воинственный дух нации. Да и французские интеллектуалы приветствовали печальный прогноз Лебона как «ценное тонирующее средство» для обессиленного отечества ⁴⁹.

Выводы Лебона дали толчок двум темам: расовой психологии и психологии масс. От этого толчка обе психологии покатались по наклонной плоскости и застыли, дойдя до крайностей (до кавычек), превратившись, первая – в «психологию» расизма, вторая – в «психологию» толп. В почти неизменном виде эти выводы можно найти и в последующих лебоновских психологических опусах.

А пришел Лебон к следующим заключениям: раса обладает психологическими характеристиками, столь же зафиксированными, как и физические. Чтобы изменить психологические характеристики, потребуются жизнь не одного поколения, так как их формирование и закрепление в «душе расы» происходит в течение ряда столетий. Психологические различия так же разделяют народы, как и их анатомические отличия. Индивиды, составляющие низшие расы (народы), равны между собой. По мере того как народы цивилизуются, индивиды, составляющие их, все больше отличаются друг от друга. Причина всех войн в истории – несходство ментальных основ (*constitution mental*) различных народов. Душа расы формируется общими чувствами, общими интересами, общими верованиями. Цивилизованные народы входят в состав не естественных рас, а «рас искусственных», созданных историческими условиями. Психологические основы народов подвержены действию времени. Всегда очень медленно формируясь, они могут очень быстро исчезнуть. В основании любой цивилизации лежит набор идей, среди которых важнейшее место занимают религиозные.

«Психологические законы» – больше, чем проекция расового мышления. Они содержат основу, схему социальной психологии, которая занимала Лебона в последние годы XIX в. Безусловно, его концепция расовой души была источником для модели духа толпы. Этой работой Лебон отдал дань интересу современных ему психологических учений к проблемам жизни коллективов. Шаги в этом направлении Г. Тарда (1843–1904) и работы по криминальным коллективам в Италии ⁵⁰ подвигли Лебона объединить свои мысли по коллективным явлениям в новой книге.

⁴⁹ Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 53.

⁵⁰ Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893; Ломброзо Ч. Женщина – преступница и проститутка. Ставрополь: Изд-во А. А. Торбы, 1991.

«Психология толп» (1895)⁵¹ стала самой известной и покупаемой книгой Лебона: за 14 лет (1895–1909) вышло 14 ее изданий⁵². Выводы «Психологии толп» аналогичны выводам «Психологических законов». Лебон добавил лишь два предложения к последнему тезису о значимости религиозных идей: «...мы живем в один из исторических периодов, когда на время небеса остаются пустыми. В силу одного этого должен измениться мир»⁵³. Написана, точнее, переписана эта часть как всегда эффектно, чтобы оживить воображение читателя, в чеканных формулах, а повтор применен для лучшего запоминания (этому автор-психолог и учит в своих трудах).

Вторая книга «Психологии толп», наиболее ценящаяся в науке⁵⁴, носит название «Психология масс» и состоит из трех разделов (13 глав). Теория коллективов не была рождена в интеллектуальном вакууме. Вся история социальных исследований во Франции обнаруживает взаимоотношения между социальными и политическими переменами. Для Лебона и других социальных психологов современное общество входило в «эру толп». Такое восприятие было особенно острым во Франции – единственной европейской демократической республике. У многих парижан еще не стерлись из памяти впечатления о недавнем народном неистовстве в дни Парижской коммуны, а в 1870–1871 гг. город пережил осаду, которая сопровождалась многочисленными коллективными явлениями: от истерической охоты на «пруссков шпионов» до поисков и конфискации накопленной еды и частых массовых манифестаций, вылившихся в кровавую трагедию.

В 1886–1889 гг. Париж электризовала растущая политическая карьера генерала Ж. Буланже. Его популярность вызывала такие массовые сцены, как попытка толпы помешать его «изгнанию» в Клермон-Ферран на Лионском вокзале в июле 1887 г. Значительные коллективные действия вызвало и дело Дрейфуса. Самыми опасными из них были еврейские погромы. Многочисленными митингами и забастовками, привлечшими общественное внимание, сопровождалась и радикальная деятельность профсоюзов в 1904–1909 гг. При этом действия жандармов и регулярной армии по подавлению забастовок зачастую были более яростными и неконтролируемыми, чем действия забастовщиков.

Для социальных психологов того времени было обычным делом расширять анализ за рамки описаний коллективных действий до общего социального контекста, в котором эти действия происходили. По этой схеме создавал свою «Психологию толп» и Лебон. Под «толпой» он понимает собрание индивидов, каковы бы ни были их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были причины, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения Лебон видит толпу иначе:

⁵¹ *Le Bon, G. Psychologie des foules. Paris: Ancienne librairie Germer Baillière et Félix Alcan, 1895.*

⁵² *Picard. Gustave Lebon et son oeuvre... P. 37.*

⁵³ *Лебон. Психология народов и масс... С. 121.*

⁵⁴ *Widener. Gustave Le Bon... P. 14.*

При известных условиях [...] собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но очень определенные черты⁵⁵.

К тому же автор замечает поразительный факт, что индивиды, составляющие толпу, каковы бы ни были их образ жизни, род занятий, характер или ум, впадают в определенное состояние, которое заставляет их чувствовать, думать и действовать иначе, чем если бы каждый из них был в отдельности. Это состояние, по Лебону, патологическое поведение, своего рода коллективное сумасшествие, является эпидемией, умственной заразой. Этот базовый механизм он применил также к анализу распространения на континенте революционных и религиозных идей, моды, общих эмоциональных состояний и др.

Если умственной заразы недостаточно для установления нерациональной, бессознательной природы передачи различных эмоций и идей внутри толпы, Лебон предлагает другой принцип передачи: внушение. Использование внушения в качестве инструмента воздействия на коллектив сближает его теорию с теорией гипноза.

Лебон применил внушение в качестве приема, объясняющего авторитарные отношения между гипнотизером и его объектом. Причем, как предполагала парижская психологическая школа (школа Шарко), гипнотические отношения подразумевали патологическую предрасположенность у объектов внушения. Перенесенные Лебоном в коллективную психологию, они стали отношениями между лидером и толпой. При этом Лебон расширил действие внушения, придав ему всеобщее влияние, и усилил оттенок ненормальности у получающих внушение. Отсюда – его презрение к «низшим существам», ассоциируемым с коллективом или с коллективным действием. Однако, изучая механизм передачи информации в коллективах, Лебон приходит к сомнительным выводам. В частности, не считаясь с характером передаваемого материала, он не только видит природу этого механизма произвольной и бессознательной, но и, постулируя патологичность передаваемых образов, говорит, что опасные образы более заразительны, чем другие. Эти выводы и лежат в основе данного Лебоном анализа характеристик разных типов толп. Он классифицирует толпы следующим образом:

А. Толпа разнородная:

- анонимная (уличная толпа);
- неанонимная (присяжные, парламент и т. д.).

Б. Толпа однородная:

- секты (политические, религиозные и т. д.);
- касты (военные, духовенство, рабочие и т. д.);
- классы (буржуазия, крестьянство и т. д.)⁵⁶.

⁵⁵ Лебон. Психология народов и масс... С. 132.

⁵⁶ Там же. С. 220.

При сопоставлении характеристик разных видов толп Лебон призывает учитывать их расовый состав, так как душа расы подчиняет себе душу толпы и ограничивает ее колебания, при этом «низшие свойства толпы выражаются тем слабее, чем сильнее в ней развита душа расы»⁵⁷.

Над «Психологией социализма»⁵⁸ Лебон трудился в то время, когда по Франции распространялись требования о пересмотре дела Дрейфуса. В умах и сердцах людей лебоновского поколения это дело резко актуализировало все политические проблемы и вопросы, заставило снова задуматься о будущем Франции как великой державы. Удачная колониальная политика, взлет французского искусства и культуры, казалось, не оставляли сомнений в значительности этой роли. Но в 1898–1901 гг. нация была разделена политическими, религиозными и социальными течениями. Вновь возникла опасность внутренней ссоры и, как следствие, внешней слабости. Тем более что на прямую связь внутренней нестабильности и национальной слабости указывали еще живые в памяти французов события 1870–1871 гг.

На протяжении всей книги (почти 79 тыс. слов в русском издании) Лебон рассматривает социализм как исключительно религиозное явление. Такая интерпретация, естественно, не пользовалась популярностью среди ученых-социалистов. Друг Лебона Тард, незадолго до выхода «Психологии социализма» получивший кафедру в Коллеж де Франс, поблагодарил его за доведение размышлений о социализме до логического завершения и высоко оценил книгу⁵⁹. Э. Пикар, биограф Лебона, также писал о проведенном последним анализе социализма: «Это один из вопросов, о которых можно обжечь крылья, если только они не несгораемые, и это, как мне кажется, случай Гюстава Лебона»⁶⁰. Но как утверждает другой «апологет» *homo multiplex*, именно с этой книги началось падение Лебона в забвение⁶¹.

Не давая определения социализму, Лебон видит его цель в уничтожении неравенства общественных положений, которое «как в древнем, так и в современном мире представляет собой один и тот же закон»⁶². Лебон вовсе не стремится провести анализ того, что он называет «социализмом». Он просто выстраивает цепочку исторических событий, подобранных не с целью воспроизвести эпизод жизни какого-либо общества или попытаться восстановить момент упадка или взлета цивилизации, а чтобы поразить читателей своим диагнозом: показать, что падающая (социализм) сгубила многие здоровые общества. Обострение же этой душевной болезни происходит по причине ослабления разума и воли обществ, точнее, слоев, находящихся у власти.

В трактовке Лебона социалистические идеи – это идеи коллективизма в самом отрицательном смысле слова. Коллективизм, считает он, убивает индивидуальную инициативу, свободу и конкуренцию отдельных людей. Государство, где восторжествовали идеи коллективизма, превращается в громад-

⁵⁷ Там же. С. 221.

⁵⁸ *Le Bon, G. Psychologie du socialisme. Paris: Alcan, 1898.*

⁵⁹ *Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 91.*

⁶⁰ *Picard. Gustave Lebon et son oeuvre... P. 38.*

⁶¹ *Widener. Gustave Le Bon... P. 20.*

⁶² *Лебон. Психология социализма... С. 32.*

ный монастырь, подчиняющийся суровой дисциплине и управляемый армией чиновников: «Это было бы самое мрачное рабство без всякой надежды на освобождение»⁶³.

Лебон наблюдает появление социализма в Германии, Англии, Америке и у народов «латинской» расы и видит, что он не одинаков, что одни и те же социалистические доктрины различными народами, расами переживаются по-разному.

Посвященная психологии англосаксов глава может рассматриваться как типичная структурная модель лебоновского изложения. Ведь не только другие главы в «Психологии социализма», но и другие книги Лебона строятся так же. На первом этапе Лебон излагает тезис: некую очевидность, появившуюся в ходе исследования или анализа какой-либо проблемы. Далее при постановке вопроса Лебон акцентирует внимание читателей на недостаточной разработанности этой проблемы, на том, что он нашел новый, оригинальный подход к ее решению. Так работе задается научный тон. Затем следует подбор убедительных примеров, чаще – из современной истории (Наполеон – самая уважаемая историческая фигура для Лебона), и подтверждающих цитат из последних журналов и газет или работ любимых авторов (И. Тэн – любимейший). Предложения, построенные в утвердительной форме, убеждают читателей в совершенной правоте автора. На последнем этапе Лебон делает выводы и пессимистическим концом подводит итог.

Однако лебоновские работы нельзя назвать строго научными. Во-первых, из-за языка: в аналитической части Лебон легко переходит с языка научных терминов на язык публицистики. Во-вторых, подбор примеров, построение фраз апеллируют, скорее, к чувствам, чем к разуму читателей. «Отец» социальной психологии знает, как убедить их в своей правоте: ни слова сомнения, ни намек на противоположное мнение, лишь поток увлекательного утверждения. Так что книги Лебона наукообразны по форме (если не брать в расчет отсутствие сносок и ссылок) и публицистичны по содержанию.

Если англичан, по мнению Лебона, положительно отличает самодисциплина и целеустремленность, то латинские народы характеризуются очень живым умом, но весьма слабым развитием инициативы и непостоянством воли. Следовательно, они не способны к продолжительным усилиям и предпочитают быть под чьим-либо руководством, «они непостоянны, как женщины»⁶⁴. Своим соотечественникам Лебон дает следующую политическую характеристику: они очень склонны к политическим переворотам, но в действительности – в высшей степени консервативны: «Их революции совершаются главным образом ради слов и не изменяют почти ничего, кроме одних названий»⁶⁵. У латинян велика потребность в неравенстве (они любят титулы и ордена), а стремление к свободе весьма слабо. Как только она у них появляется, они стараются отдать ее какому-либо руководителю, чтобы получить от него указания и правила. «Латинские народы во все времена были больше говоруны,

⁶³ Там же. С. 56.

⁶⁴ Там же. С. 171.

⁶⁵ Там же. С. 172.

любители слов и логики»⁶⁶. Они увлекаются идеями, лишь бы последние были просты, общи и красиво выражены. Если англосакс преклоняется перед фактами и реальными требованиями жизни, никогда не сваливает вину на правительство и мало обращает внимания на логику, то человек латинской расы все выводит из логики, «никогда никаких фактов, а только одни отвлеченности, бесконечный ряд афоризмов о природе, разуме, народах, тиранах, свободе – своего рода надутые мыльные пузыри, без всякой пользы толкающиеся в пространстве»⁶⁷. Еще один порок латинских народов – полное отсутствие солидарности. Этот порок появился вследствие неправильного воспитания: развития личного эгоизма в ущерб общественному. Отсутствие солидарности мешает французам не только при игре в футбол, но и в колониальной политике.

Образованию социализма у народов латинской расы Лебон посвятил отдельную главу. По его словам, самое характерное и основное понятие у народов этой расы – «государственный социализм, т. е. сосредоточие в руках правительства всех элементов жизни народа»⁶⁸. Свой тезис он подтверждает примерами из экономической жизни Франции конца XIX в. Так, государство было вынуждено восполнять собой недостаточную частную инициативу при строительстве железных дорог, портов, каналов и пр. Оно поддерживало предприятия, которыми не управляло, чтобы не дать им прийти в упадок. Постоянно вмешиваясь, государство постепенно уничтожало у граждан дух инициативы и ответственности.

Лебон, не желавший родине, на его взгляд, мрачной социалистической судьбы, как гражданин видит, что во Франции зарождается коллективистское государство. Это проявляется в том, что страной все больше управляет бюрократия, что чиновники все теснее опутывают не могущий жить без этого народ сетью регламентаций и правил, касающихся мельчайших подробностей жизни граждан. В ближайшем же будущем посредством огромной армии чиновников коллективистское государство станет управлять практически всем. За коллективизм, по мнению Лебона, ратуют низшие классы общества. Однако, чтобы осуществить свою мечту, им необходимо лишить власти правящие классы. Но Франция, считает Лебон, быстро к этому идет. Ведь низшие классы благодаря всеобщему голосованию постепенно становятся хозяевами положения, избирая в парламент все больше социалистов. На то, что левые силы одерживают решительную победу, по Лебону, указывали и конфликт между дрейфусарами и антидрейфусарами, и «новый курс» министерства Вальдека-Руссо, и окончательное помилование Дрейфуса. Однако он считал, что, когда социалистов будет большинство и их фантазии реализуются, неминуемо откроется «эра цезарей», чтобы положить конец идеям коллективизма. Вот тогда и придет час падения старых народов.

В последней четверти книги Лебон фокусирует свое внимание на приверженцах современного социализма – «неприспособленных», т. е. людях, ко-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 174.

⁶⁸ Там же. С. 204.

торые по каким-либо причинам не смогли приспособиться к требованиям современной цивилизации: «Они образуют непригодный для полезного употребления отброс»⁶⁹. Поскольку «неприспособленные» связаны общим для всех них чувством «ненависти к цивилизации, в которой они не могут найти себе места»⁷⁰, то они не группируются Лебоном внутри какой-то одной социальной ниши. Присутствие огромного числа таких людей в области промышленности, науки и искусства Лебон объясняет двумя причинами: вырождением нации («алкоголики, рахитики и т. д., жизнь которых благодаря успехам гигиены тщательно охраняется современной медициной»⁷¹) и латинской системой образования и воспитания. Так, по его мнению, французское теоретическое образование

при помощи учебников подготавливает исключительно к общественным должностям и, делая молодых людей совершенно неспособными ко всякой другой карьере, заставляет с ожесточением набрасываться на должности, оплачиваемые государством⁷².

В подтверждение своих выводов Лебон представляет данные об армии «неприспособленных» из числа обладателей преподавательских дипломов. Всю же «порочность» латинского образования он вскроет уже через четыре года.

Поскольку именно в душах «неприспособленных», а не в душе народа идея социализма прорастает успешнее, то из-за того что «особые условия настоящего времени увеличили в огромных размерах толпу неприспособленных»⁷³, современной цивилизации грозит серьезная опасность. Чувство ненависти, считает Лебон, настолько переполняет этих неудачников, что они готовы ко всяческому разрушению. Опасность социальных катаклизмов грозит не только Европе, но и особенно Соединенным Штатам.

Понятие «неприспособленные», по Лебону, характеризует большую часть человечества. Лебоновские «неприспособленные» – люди с разным цветом кожи. Однако трудно представить, к примеру, негров, приспособившимися к порядкам европейской или американской жизни исхода XIX в.:

Известно, как обращаются с неграми на американской территории, где вообще считают их освобождение от рабства огромной ошибкой. В теории они пользуются всеми правами, признанными за другими гражданами, но на практике их вешают и расстреливают без всякого суда при первом проступке. Они считаются там чем-то вроде животного, занимающего середину между обезьяной и человеком [...] Их неизлечимая лень, тупоумие и опасные скотские наклонности делают их непригодными в цивилизованной стране. Советовали поселить их отдельно в известных штатах, вывезти их массами на Кубу и Филиппины и т. д. К несчастью, негр, за самым незначительным исключением, является существом настолько

⁶⁹ Там же. С. 385.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 394.

⁷² Там же. С. 401.

⁷³ Там же. С. 409.

низшим, что не поддается никакому обучению и ни к чему не пригоден, пока не будет приведен в рабство⁷⁴.

Эта зарисовка Лебона насыщена расистскими тонами: неизлечимая (докторский штрих) леность, тупоумие и опасные наклонности, констатация необучаемости и рабской пригодности негров. А пересказ точки зрения плантаторов-южан и упоминание суда Линча лишь подготавливают читателей к осознанию неизбежности предстоящей «кровавой борьбы» с «неприспособленными», собравшимися «под знаменем социализма». Лебон симпатизирует методам борьбы с «отбросами цивилизации» в США:

...американцы отделались от китайцев, запретив им въезд в Штаты, отделались от индейцев, поселив их на известных участках, окруженных бдительной и хорошо вооруженной ружьями стражей, получившей строгий приказ убивать краснокожих как зайцев, лишь только они под влиянием голода выйдут за пределы отведенной им территории. Такими упрощенными приемами в течение немногих лет удалось истребить почти всех индейцев⁷⁵.

В духе Лебона – решать проблемы радикально. Особенно если эти проблемы вызваны неустроенностью общества. Попытки социализма решить некоторые из них обречены, по его мнению, на провал, ибо построение иллюзий, – а социализм как верование этим и занимается – всегда тщетно. Как только бесилие социализма обнаружится, его адепты тут же станут его врагами: никто не терпит тех, кто хоронит надежды. Лебон понимает социализм как идею низкого равенства, как серую страницу в цветной истории человечества, как поощрение невежества, тупости и самодовольства.

Лебон всегда возлагал большие надежды на перестройку французского характера через образование. Он постоянно указывал на то, что над французским образованием довлеет классическая концепция гуманитарных наук, которая не изменилась почти за 400 лет. Древние языки, литература и рационалистическая философия по-прежнему формируют учебный план, а идеал образованного человека создают память и логика.

Надо сказать, что основы теории образования зародились у Лебона за 10 лет до издания книги. В 1892 г., когда его сбросила норовистая лошадь, Лебон едва избежал смерти. Это подвигло его к размышлениям о своих ошибках как наездника, которые он изложил в 400-страничной книге «Современная верховая езда и ее принципы»⁷⁶. Книга, содержащая около 200 фотографий лошадей в движении, сделанных автором, и новый свод правил тренировки лошадей, стала «классикой для военных кавалерийских формирований как во Франции, так и за ее пределами»⁷⁷. Свои исследования условных рефлексов лошади Лебон использовал и для объяснения поведения человека. Ведь для

⁷⁴ Там же. С. 411.

⁷⁵ Там же. С. 412.

⁷⁶ *Le Bon, G. L'équitation actuelle et ses principes: recherches expérimentales.* Paris: Firmin-Didot, 1892.

⁷⁷ *Widener. Gustave Le Bon...* P. 14.

человека, как и для лошади, страх есть жизненно важный элемент воспитания, и истинное повиновение достигается только через признание субъектом собственного бессилия.

В «Психологии воспитания»⁷⁸ Лебон сжал предыдущие догадки в один принцип: «Все образование – искусство, как заставить сознательное перейти в область бессознательного»⁷⁹. Среди предметов, рекомендованных им для нового метода, были такие, которых не хватало, по его мнению, в старом учебном плане: современные языки, практические, технические навыки и точные науки. Эти предметы приобщили бы французских студентов к реалиям современной жизни, которые их предшественники игнорировали. Повторил Лебон и свои суждения о необучаемости людей низших рас, об их поверхностном восприятии европейской культуры и сохранении своего традиционного характера. Новым же в его методике было так называемое «моральное образование», которое он заимствовал у католических педагогов, преуспевших в насаждении общего идеала и духа преданности. По мнению Лебона, «моральное образование» базировалось на воспитании воли и самодисциплины, мимо которых проходило классическое французское образование. Преклонить же колени перед церковью, которую до этого он постоянно поносил, Лебона заставило дело Дрейфуса. Наблюдая за его перипетиями и за общественной реакцией, он пришел к убеждению, что единственные силы, желающие противостоять дрейфусарскому духу, – это армия и церковь.

«Психологии» показывают, что, ища пути к французскому возрождению и желая возвысить свою нацию, Лебон уничижает другие расы и народы. Однако национализм не единственный из его рецептов исцеления французских ран. Среди предложений Лебона были и новая образовательная методология, и подражание англосаксам в экономических делах, и активное антисоциалистическое «промывание мозгов».

На рубеже XIX–XX вв. Лебон добился признания широкой публики, став самым читаемым интерпретатором научной мысли. Однако расстаться с репутацией научно-популярной заурядности Лебону позволил успех «Психологий». Слава не удивила его, ведь он готовился к встрече с ней с момента приезда в столицу. В свои почти 50 лет Лебон стал пользоваться славой так, как это делал бы театральный актер. Во всем он стремился произвести впечатление, быть в центре внимания и доминировать.

В 1892 г. Лебон и Рибо основали ежемесячное банкетное общество. Но к 1901 г. Лебон почувствовал, что эти нечастые встречи только сдерживают его энергию, и стал давать еженедельные завтраки – на этот раз вместе с сорбонским физиологом А. Дастром. Сначала эти собрания назывались «Завтракающие по средам», а после смерти Даистра – «Завтракающие Гюстава Лебона». Они существуют и поныне под названием «Завтракающие друзья доктора Г. Лебона»⁸⁰.

⁷⁸ *Le Bon, G. Psychologie de l'éducation. Paris: E. Flammarion, 1902.*

⁷⁹ *Лебон Г. Психология воспитания. СПб.: Тип. АО «Слово», 1910. С. 7.*

⁸⁰ *Нью. The Origins of Crowd Psychology... P. 84.*

Для привлечения на свои завтраки самых ярких представителей французской культурной жизни Лебон не жалел сил. У него были видные политики, известные ученые и философы, литераторы и военные. Тему дня Лебон задавал, обычно делая провокационное замечание. Затем он призывал гостей высказываться. Когда кто-то говорил дольше, чем необходимо, хозяин ударял в колокол, прекращая речь выступавшего. После того, как все высказывались, Лебон авторитетно анализировал все аргументы, решительно формулировал заключение и прекращал обсуждение⁸¹.

Завтраки славились не только дискуссиями, но и гастрономическим изыществом. К тому же огромным количеством поглощаемой им еды любил поражать гостей и хозяин. При этом внешний вид Лебона при всей его эксцентричности идеально соответствовал тому имиджу, который он сам и создавал. У него была строгая, величественная манера поведения, борода, которую он перестал красить только в последние годы жизни, и крепкая фигура, лишь слегка испорченная излишествами кухни. Подчеркивали бескомпромиссный авторитаризм Лебона вызывающий взгляд и выразительная манера разговора.

Как надлежало светскому льву, Лебон и сам посещал литературные салоны. Там завязались его знакомства с А. Бергсоном, К. Сен-Сансом, А. Бриньяном и др. А знакомствами с Ж. Б. Клемансо, Л. Барту и Б. Муссолини Лебона обогатила его привычка посылать экземпляры своих книг с дарственными надписями политикам и интеллектуалам.

В 1894 г. Лебон начал публиковаться в «Библиотеке современной философии» Ф. Алкана. Но в 1902 г., разочарованный отсутствием внимания к сборнику, он решил начать новую научную серию, и в издательстве Э. Фламариона стала выпускаться «Библиотека научной философии», над которой Лебон имел полный редакторский контроль, позволяющий ему формировать сборник построчно. Он поощрял работы, которые поддерживали его позицию, и отказывал нежелательным корреспондентам. Под его жесткой рукой сборник разросся до 200 томов и включал статьи многих выдающихся мыслителей.

Между тем Лебон продолжал преодолевать барьеры, установленные против него «официальной наукой». Например, работы Лебона в области физики «Эволюция сил» и «Эволюция материи»⁸² разошлись значительными тиражами, но были враждебно встречены ученой элитой. Так, профессор физической химии Сорбонны обвинил Лебона в том, что он претендует на открытия, принадлежащие другим. Но это не слишком огорчило уже привыкшего к подобным обвинениям Лебона. Он продолжил свой штурм Академии наук. При этом друзья и поклонники в академии то обещали ему протекцию, то извинялись, потом снова обещали и снова извинялись. Так продолжалось до 1924 г., когда после очередного своего провала Лебон обвинил «официальную науку» в том, что она не в состоянии правильно оценить работы «независимых ученых» во Франции.

⁸¹ Ibid.

⁸² *Le Bon, G. L'évolution de la matière.* Paris: E. Flammarion, 1905; *Le Bon, G. L'évolution des forces.* Paris: E. Flammarion, 1907.

Однако поскольку надежда стать академиком медленно угасала, Лебон решил привлечь внимание научной общественности к себе самым скандальным образом – оспорив первенство А. Эйнштейна в открытии теории относительности. Немецкий физик, изучив послание от своего французского «коллеги», ответил ему, что не нашел в его трудах ничего нового и интересного, кроме идеи об эквивалентности массы и энергии, и никаких математических или экспериментальных доказательств. Лебон же на это заявил, что с помощью математических гипотез можно продемонстрировать все, что угодно⁸³. Убедившись, что дискутировать с Лебоном бесполезно, Эйнштейн закончил переписку.

Однако, как бы ни был изолирован Лебон от «признанной науки», он не страдал от нехватки сочувствия к нему тех, кто считал, что академия несправедлива к нему. Так, в 1925 г. Академия моральных и политических наук, признав его вклад во французское военное искусство, наградила Лебона почетной медалью. Годом позже он был избран командором Почетного легиона, а в 1929 г. – великим командором (доказательство того, что политики ценили его работу выше, чем академики).

В конце Первой мировой войны Лебон купил сельскую виллу в Марн-ля-Кокет и проводил там большую часть года, совершая лишь эпизодические поездки в Париж. Его здоровье ухудшилось: эксперименты, которые он проводил в своей домашней лаборатории, вызвали у него прогрессирующую слепоту. Он стал носить широкополую фетровую шляпу для защиты глаз от света, нанял секретаря для чтения корреспонденции. Полная слепота наступила Лебона за год до смерти. А до этого он написал четыре книги (в основном комментарии на текущие события), активно печатался в журнале «Анналь политик э литтерер» (*Annales politiques et litteraires*), редактировал «Библиотеку научной философии» и участвовал в публичных дискуссиях. Это было очень свойственно его кипучей натуре. Так, прямо перед смертью он еще редактировал свою статью. Лебон умер 14 декабря 1931 г. от бронхиальной пневмонии, в которую переросла простуда.

Таким образом, Гюстав Лебон был человеком разносторонних талантов. Писатель и редактор, экспериментатор и друг многих известных людей, он постоянно жаждал влиять на политику, военное дело, науку и литературу. Вера в научный синтез и популяризацию знания принесла ему общественное признание, но не увенчала академическими лаврами. Причин этому несколько: неумеренные научные амбиции и необоснованные первооткрывательские претензии, околonaучный, популяризаторский характер работ, кроме того, в трудах Лебона есть антидемократические, антифеминистские и расистские идеи, которых настоящая наука сторонится.

Известный французский социолог С. Московичи выделяет несколько причин умолчания имени Лебона. Первая – поверхностность его книг (но не посредственность, как полагает Московичи⁸⁴). Делая открытия, Лебон не раз-

⁸³ Nye. The Origins of Crowd Psychology... P. 157.

⁸⁴ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. С. 101.

рабатывал их, а лишь привлекал к ним общественное и научное внимание. Чтобы завоевать широкую публику, ему приходилось писать на потребу дня. А «широкая публика» имеет короткую память. Вторая причина таится в антисоциалистическом и антипарламентском тоне его исследований. То, что в начале XX в. казалось тенденцией, спустя полвека стало реальностью, которая вытеснила из своего интеллектуального багажа наследие Лебона, Тарда и других подобных ученых. Третья причина заключается в том, что любые политические партии и средства массовой информации используют принципы, рецепты и приемы Лебона в своей работе с массовой аудиторией. Пропагандистские приемы политических партий, зондирование и формирование общественного мнения, рекламные уловки – все это элементы массовой стратегии Лебона, базирующейся на иррациональности масс. Но им-то внушают как раз обратное. Поэтому, учтиво кланяясь общественному мнению, политики разных мастей поворачиваются спиной к своему наставнику. Четвертая причина кроется в политическом влиянии Лебона. При том что его идеи использовали практически все, безоговорочно они были признаны в Германии и Италии, став частью фашистской идеологии и практики⁸⁵. Поэтому естественнее осудить создателя «Психологии толп», чем попасть под подозрение в симпатии к кровавым режимам.

Знают Лебона и в России. Первый всплеск отечественного интереса к его работам относится к революционному началу XX в., когда вышла серия его книг в мягких дешевых обложках и большими тиражами в Харькове, Одессе и столице Российской империи⁸⁶. В эпоху «социотрясения» в России Лебон был читаемым и почитаемым автором. Ухватив суть метода и обобщив идеи Г. Тарда, Ж.-М. Шарко и С. Сигеле, он генерировал довольно поверхностные социально психологические мысли, поставленные на книжный конвейер. В похожей проблематике противопоставления «героя и толпы», «элитарного и массового общества», «внушение и толпа» творили почти одновременно с Лебоном и Н. К. Михайловский (1842–1904), Н. А. Бердяев (1874–1948), В. М. Бехтерев (1857–1927), В. К. Случевский (1844–1926), Л. Н. Войтоловский (1875–1941) и др.⁸⁷ Будет сомнительно утверждать, что кто-то у кого-то за-

⁸⁵ Stein, A. Adolf Hitler und Gustav Le Bon // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Berlin: Friedrich Verlag, 1955.

⁸⁶ Лебон Г. Эволюция цивилизаций. Одесса: Международная библиотека, 1895; Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. СПб.: Популярно-научная библиотека, 1906; Лебон Г. Возникновение и исчезновение материи. Харьков: Новое время А. С. Суворина, 1909; Лебон Г. Психология воспитания. СПб.: Тип. АО «Слово», 1910; Лебон Г. Царство толпы. М.: Книгоиздательство «Друзей свободы и порядка», 1917.

⁸⁷ См. например: Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 2; Бердяев Н. А. Бунт и покорность в психологии масс // Московский еженедельник. 18 декабря 1907 г.; Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Ст. по общественной и религиозной психологии. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1910; Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918; Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К. И. Риккера, 1908; Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921; Случевский В. К. Толпа и ее психология // Книжки недели. СПб., 1893. № 4–5; Войтоловский Л. Н. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 1. Психология масс. М.; Л.: Госиздат, 1925; Войтоловский Л. Н. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2. Психология общественных

имствовал идеи, скорее, правильнее предположить, что научная атмосфера была пронизана этими идеями, а политическая и социальная жизнь всегда готова вдоволь предоставить примеры, подтверждающие собственные воззрения или же опровергающие взгляды оппонентов. Но Лебон был интересен не только ученым и интересующимся наукой, книга этого автора – «Психология народов и масс» – была одной из настольных книг В. И. Ленина⁸⁸.

Победившая пролетарская революция и установившаяся в стране со временем власть партии большевиков изменили облик российской науки. Если выдающиеся представители точных, естественных и технических наук получили возможность дышать (хотя бы через раз) «чистым воздухом свободы», столь необходимым для умственного поиска, то философы и обществоведы этой привилегии были лишены. Различные социально-психологические теории и исследования сначала критиковались с позиции классового подхода: народные восстания, социальные революции не могут носить иррациональный характер, быть «психической эпидемией», а в 1930-е гг. подобного рода дискуссии были окончательно свернуты. Например, в 1920-е гг. врач-психиатр и писатель Войтоловский, сначала свободно критиковавший с классовых позиций учения Тарда и Лебона, вскоре сам едва избежал нескольких арестов (спасла от камеры и, возможно, смерти слепота и развившаяся душевная болезнь)⁸⁹.

Вспоминают о «массовом обществе», элитизме и Лебоне в СССР уже во второй половине 1960-х гг. Иллюзия освобождения от сталинизма «настоящей» коммунистической теории подпитывала критику «буржуазных теорий», объясняющих устройство и динамику общества. Официальные критики – Г. К. Ашин (1930–2011), Г. Г. Дилигенский (1930–2002), Б. А. Грушин (1929–2007) – профессионально занимались своим делом с позиций все того же классового подхода в течение примерно двух десятков лет⁹⁰, но со второй 1980-х гг. риторика постепенно меняется и из критики как идеологии оформляются научные направления, связанные с изучением элит, общественного сознания, общественного мнения, психологии масс⁹¹. Упомянутый тогда Ашиным

движений. М.; Л.: Госиздат, 1925; *Резанов А. С.* Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетическая типография, 1910 и др.

⁸⁸ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. С. 112.

⁸⁹ *Горбатов Д. С.* Теория толпы Л. Н. Войтоловского: ключевые идеи // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 5–12.

⁹⁰ *Ашин Г. К.* Миф об элите и массовом обществе. М.: Международные отношения, 1966; *Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества». М.: Политиздат, 1971; *Ашин Г. К.* Критика современных буржуазных теорий о роли народных масс и личности в истории. М.: Высшая школа, 1973; *Дилигенский Г. Г.* «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата // Мировая экономика и международные отношения. 1965. № 7. С. 43–56; *Дилигенский Г. Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М.: Наука, 1969; *Грушин Б. А.* Мнение о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1967; *Грушин Б. А.* Логические принципы исследования массового сознания // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 23–34 и др.

⁹¹ *Ашин Г. К.* Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985; *Дилигенский Г. Г.* Феномен массы и массовые движения: социально-психологические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 3. С. 18–29; *Грушин Б. А.* Массовое

Лебон определяется как родоначальник тенденции, склонной к преувеличению роли народных масс и их деструктивного характера⁹².

Последнее десятилетие XX в. и полтора десятка лет XXI столетия сняли идеологические препоны в области социальных наук в нашей стране⁹³. Лебон вновь стал популярным автором: некоторые его книги во второй половине 1990-х гг. переиздали репринтным способом⁹⁴, вышло в свет некоторое количество научных работ о нем⁹⁵, появилось большое количество околonaучных и ненаучных комментаторов и популяризаторов его идей, в том числе и реакционных, создающих ареол вульгарности вокруг имени главного героя этой статьи. Думается, что в публичной известности всегда скрывается какой-то подвох: то ли он проистекает из тщеславия ученого, то ли – из настроения читающей публики, так сказать, из духа времени, а может быть, и того, и другого вместе. В любом случае Лебон был горячим любителем науки, а не ее образцом. И такие люди важны и нужны в жизни, так как помогают нам светом своего интеллекта скорее осознать глубину окружающей нас темноты.

References

- Ashin, G. K. (1966) *Mif ob elite i massovom obshchestve [The Myth of the Elite and Mass Society]*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Ashin, G. K. (1971) *Doktrina "massovogo obshchestva" [The Doctrine of the "Mass Society"]*. Moskva: Politizdat.
- Ashin, G. K. (1973) *Kritika sovremennykh burzhuaznykh teorii o roli narodnykh mass i lichnosti v istorii [A Criticism of Modern Bourgeois Theories About the Role of the Masses and Individuals in History]*. Moskva: Vysshiaia shkola.
- Ashin, G. K. (1985) *Sovremennye teorii elit: kriticheskii ocherk [Modern Theories of Elites: A Critical Essay]*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Bazhanov, B. (1992) *Vospominaniia byvshego sekretaria Stalina [The Memoirs of Stalin's Former Secretary]*. Sankt-Peterburg: Vsemirnoe slovo.
- Bekhterev, V. M. (1908) *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoi zhizni [Suggestion and Its Role in Social Life]*. Sankt-Peterburg: Izdanie K. I. Rikkera.
- Bekhterev, V. M. (1921) *Kollektivnaia refleksologiya [Collective Reflexology]*. Petrograd: Kolos.
- Belinskaia, E. B. (2012) U istokov sotsial'noi psikhologii: sravnitel'nyi analiz "psikhologii mass" G. Lebona i kontseptsii "geroev i tolpy" N. K. Mikhailovskogo [At the Origins of Social Psychology: A Comparative Analysis of G. Le Bon's "Psychology of Masses" and N. K. Mi-

сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987; Шестопал Е. Б. Очерки политической психологии. М.: ИНИОН: Институт молодежи, 1990 и др.

⁹² Ашин. Современные теории элиты... С. 7.

⁹³ Для нас будут интересны, например: Массовое сознание и массовые действия. М., 1994; Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002; Чернов Г. Ю. Социально-массовые явления. Исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2009 и др.

⁹⁴ Лебон. Психология народов и масс...; Лебон. Психология социализма...; Лебон Г. Психология толп. М., 1999.

⁹⁵ Тагиефф П.-А. Цвет и кровь: французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009; Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX–XX веков: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен. Иваново: ПресСто, 2013; Белинская Е. П. У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н. К. Михайловского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 1. С. 9–18 и др.

- khailovsky's Concept of "the Heroes and the Crowd"], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, no. 1, pp. 9–18.
- Berdiaev, N. A. (1907) Bunt i pokornost' v psikhologii mass [Rebellion and Submission in the Psychology of Masses], *Moskovskii ezhenedel'nik*, december 18.
- Berdiaev, N. A. (1910) *Dukhovnyi krizis intelligentsii. St. po obshchestvennoi i religioznoi psikhologii [The Spiritual Crisis of Intelligentsia. The Articles on Social and Religious Psychology]*. Sankt-Peterburg: Obshchestvennaia pol'za.
- Berdiaev, N. A. (1918) *Sud'ba Rossii. Opyt po psikhologii voyny i natsional'nosti [The Fate of Russia. The Experiment on the Psychology of War and Nationality]*. Moskva: G. A. Leman i S. I. Sakharov.
- Blancaert, C. (2009) *De la race à l'évolution. Paul Broca et l'anthropologie française (1850–1900)*. Paris: L'Harmattan.
- Bol'shaya sovetskaya entsiklopediia. 3-e izd [The Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed.]* (1978). Moskva: Sovetskaya entsiklopediia, vol. 28.
- Chernov, G. Iu. (2009) *Sotsial'no-massovye iavleniia. Issledovatel'skie podkhody [Mass Social Phenomena. Research Approaches]*. Dubna: Feniks+.
- Comte, A. (1830–1842) *Cours de philosophie positive*. Paris: Bachelier, vols. 1–6.
- Comte, A. (1851–1855) *Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité*, édition en quatre tomes. Paris: Carilian – Gœury et V. Dalmont.
- Diligenskii, G. G. (1965) "Obshchestvo potrebleniia" i klassovoe soznanie proletariata ["The Consumer Society" and the Class Consciousness of the Proletariat], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 1965, no. 7, pp. 43–56.
- Diligenskii, G. G. (1965) *Rabochii na kapitalisticheskom predpriatii. Issledovanie po sotsial'noi psikhologii franthuzskogo rabocheho klassa [A Worker at the Capitalist Enterprise. A Study on Social Psychology of the French Working Class]*. Moskva: Nauka.
- Diligenskii, G. G. (1987) Fenomen massy i massovye dvizheniia: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [The Phenomenon of Masses and Mass Movements: Socio-Psychological Aspects], *Rabochii klass i sovremnyi mir*, no. 3, pp. 18–29.
- Gorbatov, D. S. (2014) Teoriia tolpy L. N. Voitovskogo: kluchevye idei [L. N. Voitovsky's Theory of the Crowd: Main Ideas], *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 5, no. 2, pp. 5–12.
- Grushin, B. A. (1970) Logicheskie printsipy issledovaniia massovogo soznaniia [Logical Principles in the Study of Mass Consciousness], *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 23–34.
- Grushin, B. A. (1967) *Mnenie o mire i mir mnenii [The Opinion of the World and the World of Opinions]*. Moskva: Politizdat.
- Grushin, B. A. (1970) *Massovoe soznanie. Opyt opredeleniia i problemy issledovaniia [The Mass Consciousness. An Attempt at the Definition and Study Problems]*. Moskva: Politizdat.
- Le Bon, G. (1866) *De la mort apparente et des inhumations prématurées*. Paris: Librairie d'Adrien Delahaye.
- Le Bon, G. (1870) *Hygiène du soldat et de blessés*. Paris.
- Le Bon, G. (1870) *Psychologie de la génération de l'homme et des princepeaux êtres vivants*. Paris: Alfred Duquesne.
- Le Bon, G. (1874) *La vie, physiologie humaine appliquée à l'hygiène et à la médecine*. Paris: J. Rothschild.
- Le Bon, G. (1879) Recherches anatomiques et mathématiques sur les lois des variations du volume du cerveau et sur leurs relations avec l'intelligence, *Revue d'antropologie*, 8 année, 2 série, vol. 2, pp. 27–104.
- Le Bon, G. (1880) *La fumée du tabac; recherches chimiques et physiologiques*. Paris: Asselin.
- Le Bon, G. (1881) *De Moscou aux Monts Tatas*. Paris: Ch. Delagrave.
- Le Bon, G. (1881) *L'homme et les sociétés. Leurs origines et leur histoire*. Paris: J. Rothschild.
- Le Bon, G. (1884) *La civilisation des arabes*. Paris: Firmin-Didot.
- Le Bon, G. (1886) *Histoire de civilisations de l'Inde*. Paris: Firmin-Didot.
- Le Bon, G. (1886) *Voyage au Népal*. Paris: Hachette le tour du monde.
- Le Bon, G. (1889) *Les premières civilisations*. Paris: E. Flammarion.
- Le Bon, G. (1892) *L'équitation actuelle et ses principes: recherches expérimentales*. Paris: Firmin-Didot.
- Le Bon, G. (1893) *Les monuments de l'Inde*. Paris: Firmin-Didot.

- Le Bon, G. (1895) *Evolutsiia tsivilizatsii [The Evolution of Civilizations]*. Odessa: Mezhdunarodnaia biblioteka.
- Le Bon, G. (1895) *Lois psychologiques de l'évolution des peuples*. Paris: Félix Alcan.
- Le Bon, G. (1895) *Psychologie des foules*. Paris: Ancienne librairie Germer Baillière et Félix Alcan.
- Le Bon, G. (1898) *Psychologie du socialisme*. Paris: Alcan.
- Le Bon, G. (1902) *Psychologie de l'éducation*. Paris: E. Flammarion.
- Le Bon, G. (1905) *L'évolution de la matière*. Paris: E. Flammarion.
- Le Bon, G. (1906) *Psikhologicheskie zakony evolutsii narodov [The Psychological Laws of the Evolution of the Peoples]*. Sankt-Peterburg: Popularno-nauchnaia biblioteka.
- Le Bon, G. (1907) *L'évolution des forces*. Paris: E. Flammarion.
- Le Bon, G. (1909) *Vozniknovenie i ischeznovenie materii [The Emergence and the Vanishing of the Matter]*. Khar'kov: Novoe vremia A. S. Suvorina.
- Le Bon, G. (1910) *Psikhologiiia vospitaniia [The Psychology of Education]*. Sankt-Peterburg: Slovo.
- Le Bon, G. (1917) *Tsarstvo tolpy [The Kingdom of the Crowd]*. Moskva: Knigoizdatel'stvo "Druzei svobody i poriadka".
- Le Bon, G. (1995) *Psikhologiiia narodov i mass [The Psychology of the Peoples and Masses]*. Sankt-Peterburg: Maket.
- Le Bon, G. (1996) *Psikhologiiia sotsializma [The Psychology of Socialism]*. Sankt-Peterburg: Maket.
- Le Bon, G. (1999) *Psikhologiiia tolpy [The Psychology of Crowds]*. Moskva.
- Lepetukhin, N. V. (2013) *Teorii razizma v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Zapadnoi Evropy vtoroi poloviny XIX–XX vekov: J.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen [The Racist Theories in Western Europe's Social and Political Life in the Second Half of the 19th Century and 20th Century: J. A. Gobineau, G. Le Bon, H.S. Chamberlain]*. Ivanovo: PresSto.
- Lombroso, C. (1991) *Zhenshchina – prestupnitsa i prostitutka [Criminal Woman, the Prostitute, and Normal Woman]*. Stavropol': A. A. Torby.
- Lubbock, J. (1865) *Pre-Historic Times*. London: Williams & Norgat.
- Lubbock, J. (1870) *The Origin of Civilization and the Primitive Condition of Man*. London: Longman, Green & Co.
- Mikhailovskii, N. K. (1998) *Geroi i tolpa: izbrannye trudy po sothologii [The Heroes and the Crowd: Selected Works on Sociology]*. Sankt-Peterburg: Aleteiia.
- Moscovici, S. (1996) *Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [The Age of the crowds. A Historical Treatise on Mass Psychology]*. Moskva: Tsentr psikhologii i psikhoterapii.
- Nye, R. (1975) *The Origins of Crowd Psychology*. London: Sage.
- Ol'shanskii, D. V. (2002) *Psikhologiiia mass [The Psychology of Masses]*. Sankt-Peterburg: Piter.
- Pershits, A. I. (1989) Predislovie [Preface], in: Tylor, E. B. *Primitive culture [The Primitive Culture]*. Moskva: Politizdat.
- Picard, E. (1909) *Gustave Le Bon et son oeuvre*. Paris: Mercure de France.
- Rezanov, A. S. (1910) *Armiia i tolpa. Opyt voennoi psikhologii [The Army and The crowd. The Experience of Military Psychology]*. Varshava: Varshavskaia estetik. tip.
- Shestopal, E. B. (1990) *Ocherk politicheskoi psikhologii [An Essay on Political Psychology]*. Moskva: INION: Institut molodezhi.
- Sluchevskii, V. K. (1893) *Tolpa i ee psikhologiiia [The Crowd and Its Psychology]*, *Knizhki nedeli*. no. 4–5.
- Spencer, H. (1855) *The Principles of Psychology*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Spencer, H. (1874–1875) *Principes de psychologie. 2 vols*. Paris: Lagrange.
- Spencer, H. (1878–1898) *Principes de sociologie. 5 vols*. Paris: Baillière.
- Spencer, H. (1891) *Essays Scientific, Political & Speculative. In 3 vols*. London: Williams and Norgat, vol. 1, pp. 1–7.
- Stein, A. (1955) *Adolf Hitler und Gustav Le Bon, in: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. Berlin: Friedrich Verlag.
- Tagieff, P.-A. (2009) *Tsvet i krov': frantsuzskie teorii razizma [The Color and the Blood: French Theories of Racism]*. Moskva: Lodomir.
- Tard, G. (1892) *Prestupleniia tolpy [The Crimes of the Crowd]*. Kazan': Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta.
- Tard, G. (1892) *Zakony podrazhaniia [The Laws of Imitation]*. Sankt-Peterburg: F. Pavlienkov.

-
- Tokarev, S.A. (1978) *Istoriia zarubezhnoi etnografii [The History of Foreign Ethnography]*. Moskva: Vysshaia shkola.
- Tylor, E. B. (1871) *Primitive Culture*. 2 vols. London: John Murray.
- Voitolovskii, L. (1925) *Ocherki kollektivnoi psikhologii: v 2 ch. Ch. 1. Psikhologiya mass. Ch. 2. Psikhologiya obshchestvennykh dvizhenii [The Essays on Collective Psychology in 2 parts. Pt. 1. The Psychology of Masses. Pt. 2. The Psychology of Social Movements]*. Moskva and Leningrad: Gosizdat.
- Widener, A. R. (1979) *Gustave Le Bon: The Man and His Works*. Indianapolis: Liberty Press.